

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Э. В. Померанцева

ЯРИЛКИ

Весной 1973 г. мы услышали в старинном приокском селе Дединово¹ привлекавшее наше внимание слово «ярилки». Необычное это слово было произнесено двумя женщинами среднего возраста, исконными жителями этого села. В ответ на вопрос о песнях мы слышали: «Вот закончим посевную и устроим ярилки, поем, угощаемся — тогда и песни записать можно». Ни та, ни другая не могли объяснить значения этого слова, сказать, почему так называются гулянья. Одна из них утверждала, что «ярилки» устраивают только по случаю завершения посевной, другая — что так издавна в Дединове называли любые гулянья молодежи.

Сколько мы потом ни искали это слово, сколько ни задавали навоящих вопросов, никто из жителей Дединова (кроме упомянутых двух женщин), даже самые пожилые из них, не только не мог нам объяснить его значения, но даже не помнил, чтобы когда-нибудь его слышал.

Оказалось, что редкое слово «ярилки» является отзвуком забытого обычая, зафиксированного в этом селе в конце XIX в.

В 1898 г. в Дединове и близлежащих к нему селах Ловцах, Любичах и Белоомуте провел два месяца Н. М. Мендельсон², собирая этнографические материалы. В статье «Из наблюдений в Зарайском уезде Рязанской губернии»³ он писал о том, что в Дединове «сохранилась до сих пор память о празднике в честь Ярилы: в ночь на последнее воскресенье перед Петровским постом справляют «Ярилки», для чего по реке отправляются к местности, называемой «Ярилина плешь». Старики говорят, что когда-то пелись песни, специально приуроченные к этому празднику; песни эти, разумеется, забыты, но разнузданный характер самого праздника сохранился»⁴. Более подробные сведения о праздновании в Дединове «ярилок» мы находим в записях того же Н. М. Мендельсона, представленных им в свое время в Этнографическое бюро В. Н. Тенишева⁵ и хранящихся в Ленинграде в отделе рукописей Государственного этнографического музея. В этих записях отмечается эротический характер песен «с причинкой», связанных с этим праздником, и говорится о

¹ Село Дединово Луховицкого р-на Московской области (в прошлом Зарайского уезда Рязанской губ.) неоднократно привлекало внимание археологов, этнографов, фольклористов. В 1973 г. туда выезжали сотрудники Института этнографии АН СССР Т. Б. Долгорукова и Э. В. Померанцева.

² Н. М. Мендельсон (1872—1934) — впоследствии известный литературовед и историк театра.

³ Н. М. Мендельсон, Из наблюдений в Зарайском уезде Рязанской губернии, «Этнографическое обозрение», 1899, № 1—2, стр. 385—391.

⁴ Там же, стр. 385.

⁵ См. Э. В. Померанцева, Фольклорные материалы этнографического бюро В. Н. Тенишева, «Сов. этнография», 1972, № 6, стр. 137—147.

том, что на вопрос, кто же был этот Ярила, собиратель услышал: «Он любовь одобрял»⁶.

Поскольку Мендельсон относительно песен, бытовавших 20—30 лет назад, ссылается на свидетельство стариков, можно думать, что в 60—70-х годах XIX в. празднование Ярилы, т. е. «разнузданные» гулянья и песни в честь покровителя любви, происходило как священный традиционный ритуал, в котором участвовала только молодежь. Семейные люди на «ярилки» не допускались.

В том же архиве Тенишева хранятся и точные записи 1898 г. внимательного собирателя А. Балова о совместных гуляньях мордвин и русских в Пошехонском уезде Ярославской губернии: за неделю до Иванова дня отмечался «молодой Ярила» и перед самым Ивановым днем — «старый Ярила»⁷.

Нельзя не вспомнить, что в 1873 г. сравнительно недалеко от Дединова и Пошехонья А. Н. Островский писал свою поэтическую «Снегурочку», которая кончается гимном богу солнца и любви Яриле, гневающемуся на берендеев «за стужу чувств». Он хорошо знал литературу о Яриле, внимательно изучил статью о нем Древлянского⁸, сообщавшего, что, согласно белорусским преданиям, Ярила — молодой, красивый, на белом коне, в белой мантии, с венком на голове. Островский с интересом наблюдал гулянья в честь Ярилы в Костромской губернии. Недалеко от усадьбы Щелыково, где драматург писал свою весеннюю сказку, пронизанную древними мифологическими мотивами, находилась Ярили-на долина, в которой на троицу происходили народные гулянья, собиравшие народ со всей округи. По свидетельству исследователей жизни и творчества Островского, последний «не пропускал этих народных увеселений»⁹. Ярилин день Островский упоминает в своем Щелыковском дневнике и в записной книжке¹⁰.

В первые десятилетия XX в. в Даниловском уезде Ярославской губернии был еще жив обычай в заговенье «погребать Ярилову плешь». При этом парни лепили из глины фигуру «Ярилы» в рост человека с подчеркнутыми признаками мужской силы, а против него ставили «Ярилиху». После гулянья их разбивали и сбрасывали в реку¹¹.

И материалы Н. М. Мендельсона и А. Балова, и наблюдения А. Н. Островского, и записи М. М. Зимины — все это говорит о том, что в конце XIX — начале XX в. в Центральной России еще живы были народные обычаи, связанные с именем Ярилы.

Поэтому заслуживает полного доверия то, что в книге П. Ефименко, вышедшей в 1868 г.¹², о культе Ярилы говорится как о широко распространенном явлении. Подтверждается и то, что, как утверждает А. Н. Афанасьев, «народ еще недавно представлял Купала и Ярила как существа живые, человекоподобные»¹³.

Многочисленны свидетельства о праздновании Ярилы в первой половине XIX в. в Кинешме, Костроме, Галиче, Воронеже, Владимире, в Ярославской, Казанской, Тверской, Рязанской, Тамбовской губерниях.

⁶ Архив Государственного музея этнографии. Фонд Тенишева. Рязанская губ., Зарайский уезд. Корреспондент Н. М. Мендельсон, разд. Д, п. 103, л. 23.

⁷ Там же, Ярославская губ., Пошехонский уезд. Корреспондент А. Балов, разд. Ж, п. 243, л. 1.

⁸ Древлянский, Белорусские народные предания, «Журнал Министерства народного просвещения. Прибавления», 1846, кн. 1, глава «Ярыло», стр. 20—22.

⁹ А. И. Ревякин, А. Н. Островский в Щелыкове, Кострома, 1957, стр. 105.

¹⁰ А. И. Орлов, А. Н. Островский и фольклор Ивановской области, Иваново, 1948, стр. 21.

¹¹ М. М. Зимин, Так было прежде, Центральный государственный архив литературы и искусства, ф. 1455, оп. 1, ед. хр. 51, л. 6.

¹² П. Ефименко, О Яриле языческом божестве русских славян, СПб., 1868.

¹³ А. Н. Афанасьев, Поэтическое воззрение славян на природу, т. 1, 1866, стр. 728.

И. Снегирев в своем известном труде о народных праздниках отмечает, что Ярилу «и ныне... вспоминают в разных губерниях России, особенно в северных и южных»¹⁴.

Кроме того, Снегирев указывает, что «Иван Купала, празднуемый от Днепра до Немена, между черныи называется Ярилов в Ярославской, Тверской и Рязанской губерниях»¹⁵. Он же говорит о том, что всевятское заговенье в Костроме и Твери известно под именем Ярилы¹⁶.

Все исследователи, писавшие о Яриле, отмечают вахханальный характер посвященных ему празднеств, пишут о том, что гулянья эти сопровождалось не только плясками, песнями и ряженьем, но и пьянством, сквернословием, вольными отношениями между полами, кулачными боями. Недаром против этих буйных игрищ, «на коих случались и смертоубийства и увечья», в 1763 г. решительно восстал Тихон Задонский, назвавший их «бесовскими»¹⁷.

Заслуживает внимания предположение П. Ефименко, считавшего, что после принятия христианства судьба Ярилы сложилась следующим образом: «Его имя, образ, деятельность и празднование в честь его раздвоились на две главные части. Одна часть, менее нравственная, осталась собственно за Ярилом, другая часть, не заключавшая в себе ничего предосудительного, отнята от него и перенесена на св. Георгия»¹⁸.

Предположения А. Н. Афанасьева и П. Ефименко, связывавших Ярилу с Купалой и св. Георгием, возродились в наши дни, но уже подкрепленные убедительными доводами. Так, например, Р. О. Якобсон, исследуя русские и сербские весенние обряды, рассматривает Ярилу «как одну из ипостасей многоликого божества» или, быть может, одного «из тесной купы богов»¹⁹.

В. В. Иванов и В. Н. Топоров в недавно вышедшем исследовании справедливо указывают, что «до сих пор чаще всего Ярила рассматривался или как совершенно изолированный и независимый мифологический персонаж уровня, следующего за уровнем богов, или вообще ставился под сомнение как порождение „кабинетной“ мифологии»²⁰. Им удалось неопровержимо доказать его связь со всей славянской мифологической системой.

Очень убедительно предположение исследователей, что «связью Ярилы не с официальным культом, а с сезонными хозяйственными обрядами можно объяснить сохранение ритуала Ярилы не только в Белоруссии, но и у других восточных славян»²¹.

Не учитывавшиеся до сих пор в достаточной мере поздние свидетельства подтверждают существование в прошлом славянского культа Ярилы. В народе же память о нем сохранилась доньше лишь в слове, употребляемом вне мифологических представлений.

Есть основание связывать с культом Ярилы и поморский обычай второй половины XIX в. «Яровухи», по крайней мере его название. Так называлась, как установила Т. А. Бернштам, совместная ночевка в доме невесты парней и девушек накануне свадьбы²².

Конечно, одно лишь совпадение, иногда даже разительное, словесного выражения или фольклорного текста с обозначением древнего ми-

¹⁴ И. Снегирев, Русские простонародные праздники, т. 1, М., 1838, стр. 29.

¹⁵ Там же, стр. 179.

¹⁶ Там же, стр. 180.

¹⁷ А. С. Фаминцын, Божества древних славян, СПб., 1884, стр. 224.

¹⁸ П. Ефименко, Указ. раб., стр. 36.

¹⁹ Р. О. Якобсон, Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии, «Труды VII МКАЭН», т. V, М., 1970, стр. 611.

²⁰ В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Исследования в области славянских древностей, глава «Ярила и его соответствия у славян», М., 1974, стр. 180.

²¹ Там же, стр. 215.

²² К. В. Чистов, Актуальные проблемы изучения традиционных обрядов русского Севера, сб. «Фольклор и этнография», Л., 1974, стр. 18.

фологического представления еще не дает права на то, чтобы видеть в нем отзвуки мифологии.

Например, нет оснований, как это делают В. В. Иванов и В. Н. Топоров, сближать с культом бога Ярилы загадку о венике («Выбежал Ярилко из-за печного столба, зачал бабу ярить, только палка стучит»), несмотря на имя Ярилко и наличие в ней второго эротического плана²³.

Общеизвестно, что слово нередко таит в себе неожиданные глубины, уводит в далекую древность. Однако надо помнить, что слово требует осторожного, ответственного отношения к себе, учета всего комплекса его звучания, значения, характера употребления, всей его живой жизни в языке народа.

В заключение хочется подчеркнуть, что связь услышанного нами в 1973 г. в с. Дединово слова «ярилки» с древним культом несомненна, она подтверждается, как мы видим, целым рядом промежуточных звеньев.

²³ В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Указ. раб., стр. 213.